

Шпанов Николай Николаевич

Домик у пролива

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Шпанов Николай Николаевич

Домик у пролива / Шпанов Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2011. – 87 с.

ISBN 978-5-458-04101-0

Николай Николаевич Шпанов - русский советский писатель, сценарист. Печататься начал с 1926 г. Был редактором журналов «Вестник воздушного флота», «Самолёт» и др. Член Союза Советских писателей с 1939 г., Николай Шпанов — автор свыше тридцати книг, из которых были наиболее известны «Первый удар», «Поджигатели», «Война невидимок», "Ученик чародея". Писатель также создал первый в советской литературе образ сыщика — сквозного героя нескольких произведений — Нила Кручинина («Похождения Нила Кручинина»)

ISBN 978-5-458-04101-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Шпанов Николай
Николаевич
Домик у пролива

ШПАНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
ДОМИК У ПРОЛИВА
ЧЕРНЫЕ МУХИ

В грязном тесном номере "Пале-Рояля", с обоями, давно утра-
тившими розовую игривость букетиков и веночков и теперь подо-
зрительно засаленными, было удручающе душно. На скрипучей
деревянной кровати, облезшей от поливания клопомором, лежал
худощавый человек с тонким бледным лицом, с нездоровой черно-
той под глазами и неопрятной щетиной на небритых щеках. Это был
военный летчик, штабс-ротмистр Фохт. Он лежал, задрал ноги в
пыльных сапогах на спинку кровати. Помятый френч одним плечом
висел на стуле. Рукав его, собравшийся на сгибах привычной гар-
мошкой, уныло свисал до полу, как рука безнадежно усталого чело-
века. От жары, заполнившей пыльный городишко, гостиницу и но-
мер, Фохту не хотелось двигаться. Было даже тяжело сгонять бес-
численных мух, назойливо щекотавших бритую ротмистрову голову.
Фохт лишь усиленно двигал белесыми бровями, но это мало помо-
гало. Мысли в его голове тянулись скучные и медленные: о невезе-
нии в карты, о грошовом жалованье, о закрытом кредите в заведении
мадам Райц и о многом таком же нудном, нагоняющем безысходную
тоску. Стук в шаткую дверь с выломанным замком прервал его
мысли. - Кой черт?! В номер грузно ввалился офицер с красным
одутловатым лицом без признаков растительности на щеках и под-
бородке. Жирная, белая, безволосая грудь глядела в прорез рассте-
гнутой рубашки. Он громко шаркал большими, не по мерке, туфлями
из вытертой до плешин ковровой ткани... Капитан Горлов был со-
седом Фохта по комнате и сослуживцем по отряду. Он летал с
Фохтом в качестве наблюдателя и был известен тем, что постоянно
и всюду являлся некстати. - Жоржинька, выручи, миленький! Моя
жидовочка пришла, надо отдать ей хоть десятку, неделю, как дол-
жен... Знаешь, взял, неудобно как-то... вроде альфонса получается.
Право, нехорошо! Фохт не повернул головы. Горлов звучно почесал
под рубашкой дряблую грудь. Фохт сочно шлепнул себя по выбри-
тому черепу и не попал по мухе. - Нету красенькой! Нету! Лучше
разбуди целковый и пошли за вином... А ее, эту твою, тоже пошли...
к дьяволу. А то пусть купит на свои... Подумаешь, "альфонс"!.. Ну
и альфонс - велика беда! Горлов суетливо подтянул сползающие
брюки и прошлепал толстыми губами: - Ну, ну, миленький, неловко
все-таки... Значит, нет? - Нет. Горлов ушел. Несколько мгновений
перед Фохтом еще стояли широкие красные пятки капитана. Фохту
казалось, что он все еще слышит, как об эти пятки хлопают стоптан-

ные задники туфель. Он брезгливо сморщился и устало повернулся к стене. Снова тягучие мысли поползли в голове: "Паршивая жизнь! Когда конец этой сваре? Что ни приказ, то последний решительный, а красные все напирают и напирают... Конца не видно... Черт бы их всех драл!" Среди мути серых мыслей всплывали редкие светлые пятна - огни воспоминаний: мягкий цокот копыт по невским торцам, серебряные савельевские шпоры, фойе Михайловского театра, окутанное туманом духов и желаний...

Солнце палило. С яркой глубокой лазури оно заливало раскаленным золотом пыльный городишко. Почти без зелени, с несколькими облупившимися домишками среди беспорядочной кучи мазанок, расплзся он по берегу мутной реки. В иссера-желтых бурливых волнах не отражались ни яркое солнце, ни чахлая группа деревьев у моста, ни куча черномазых ребят, с визгом старавшихся спихнуть с берега раздувшийся труп лошади. Несколько разомлевших солдат полоскали, сидя на корточках, белье, лениво, с непотребной бранью отмахиваясь от мух. Где-то далеко, на окраине, звонкий кларнет выводил неуверенно одну за другой рулады кавалерийских сигналов: сбор и атака, сбор и атака... И надо всем: над трупом лошади и гомоном грязных ребят, над полусонными солдатами, площадной бранью и руладами сигналов, над рокотом Терека и солнечным блеском, - надо всем царили мухи, туча черных больших мух, темными пятнами переносившихся с места на место и монотонным гудением наполнявших сонливую тишину скучного дня.

В номеришке "Пале-Рояля", на широкой клоповной кровати, ротмистр Фохт, весь покрытый испариной, лениво перелистывал тяжелый том сновидений. Сквозь гудение мух, сквозь рулады кларнета он видел большой белый зал. Огни электрических люстр переливались на новых, впервые надетых мундирах корнетов. Душно от танцев, от непривычного ментика, от присутствия Аллочки. Под звуки кларнета, мелко перебирая тонкими ногами в белых чулках, в самую гущу толпы входит его Леди, англизированная кобыла, подарок отца. Но сейчас же где-то рядом уже громоздится ее вздувшийся труп, и Фохт силится вытащить из-под убитой лошади затекшую ногу. Алла, воздушная, сияющая, бежит к нему, путаясь в юбке. Приятно холодеет спина. Алла, милая далекая Алла протягивает Фохту руки, он хочет их схватить, но перед ним вырастает денщик Ковальчук с большим пакетом в руке. Письмо от сестры - продолговатые страницы, покрытые мелким почерком, так похожим на почерк матери, и на почерк Аллы, и на почерк всех женщин, которые ему когда-либо писали. Сестра пишет, что младший брат

Александр убежал из корпуса в армию. Это к лучшему, так как выяснилось, что он запутан в какой-то грязной истории с лицеистами. Узнай об этом отец - старика бы это убило. Он и так уж едва ходит. И тут же письмо сестры переходит в душевную записку Аллы: Жорж должен взять отпуск и приехать к ним в Петроград хотя бы на несколько дней. Жорж приехал. Он уже штаб-ротмистр со свежим "Вовочкой" с мечами и бантом. Но солдатня на солнечных улицах Петрограда почему-то нагло смотрит на него и даже не все козыряют. Ноги шуршат по ворохам подсолнечной скорлупы. А потом все смешалось в безобразную липкую кашу. Сквозь мутную пелену дождя с мокрым снегом на Жоржа глядит вереница бородатых мрачных лиц, солдаты остервенело срывают с себя погоны и гонятся толпою за ним. Ноги Жоржа налиты свинцом, бежать невероятно трудно, а толпа насаждает. И впереди всех с наганом в руке за ним гонится брат Шурка, розовый, молодой и веселый, а под руку с Шуркой бежит Алла. Ноги Жоржа запутались окончательно, на него навалилась толпа, и Алла с размаху толкнула его в плечо...

Перед постелью стоял молодой солдат и нерешительно толкал Фохта в плечо: - Господин ротмистр, а господин ротмистр! Фохт мотнул головой. - Какого еще лешего? - Из штаба звонили: господ офицеров на аэродром. Капитан Горлов сказали сейчас за вами зайдут, велели будить... Одеваться прикажете? Фохт стал нехотя натягивать английский френч, к которому так не шли серебряные погоны с двуглавым черным орлом. Вошел Горлов в небрежно застегнутом френче и высоких сапогах, давно не чищенных и порыжевших на складках. - Жоринька, миленький, что-то они затеяли? Срочно вызывают. Зачем бы это, а? - На толстой губе Горлова несколько времени держался пузырек пены, вскипавшей в углах капитанского рта всякий раз, как он говорил. - Черт бы всех драл! - неопределенно огрызнулся Фохт, с ненавистью глядя на этот пузырек. Словно капитан был виноват в том, что офицеров вызывали; в том, что шла война с красными; в том, что было до гнусности душно и к бритой голове назойливо липли жгучие мухи.

Три автомобиля, набитые офицерами, один за другим отъехали от подъезда "Пале-Рояля" и заныряли по разбитой мостовой. На домиках, что были чуть побольше, виднелись вывески с названиями разных штабов и управлений расквартированных частей Добрармии. Проехав город, машины поодиночке перебрались через допотопный плавучий мост, погружавшийся в воду под их тяжестью. Миновали предместье с небольшими мазанками, укрытыми высокими плетнями. Сразу за ними открывалась необозримая степь. В

километре белели палатки - ангары авиационного отряда. Напротив одного ангара виднелась кучка людей, и в центре ее - плотный, коренастый командир отряда в полковничьих погонах, а рядом с ним худой и высокий, как жердь, английский офицер. При приближении офицеров полковник сделал навстречу им несколько шагов. Лицо его было озабоченно. Англичанин, не вынимая папиросы изо рта, приложил два пальца левой руки к козырьку. Правой он опирался на трость с большим крючком. - Здравствуйте, господа! - забасил полковник. - Получено срочное задание произвести бомбометание по Тихорецкой. Там скапливаются составы красных. Из штаба прибыл майор Блэк с предписанием главного командования наблюдать за проведением операции. Майор считает, необходимым вылететь всеми наличными машинами до наступления темноты, чтобы не дать возможности противнику преследовать наши самолеты при полете обратно. Фохт недовольно заметил: - Почему они посылают наш отряд в чужой район? У нас гробы вместо самолетов. Что бы вот этому самому Блэку взять свой свеженький отряд? И район их, и дело вернее будет: машины-то куда надежней наших! - Ну, ну, господа! Что за разговоры! Нижние чины кругом, - негромко остановил его полковник. - Распорядитесь каждый заправкой своего самолета. Я уже доложил майору, что из восьми наших машин вылететь смогут только пять. - И тут же полковник повернулся к майору: - Какие бомбы будем брать? Машины в таком состоянии, что на много рассчитывать не приходится. Я бы ограничился четырехкилограммовками. - Олл райт, - равнодушно буркнул майор.

Фохт не торопясь шел к ангару, из которого мотористы уже выкатывали его самолет. Он подозрительно оглядел аппарат. Каждая стойка и растяжка самолета казались ему ненадежными, таящими в себе возможность гибели. "В сущности, нужно бы самому просматривать самолет перед вылетом: рожи солдат мне совершенно не нравятся", - размышлял он, глядя, как, откинув капот, моторист исследовал мотор. Зная лень своего наблюдателя, он крикнул Горлову, чтобы тот "бога ради" просмотрел пулемет. Нижняя губа Горлова, казалось, отвисла еще больше, он тоже без всякого усердия полез в самолет и стал копаться около "Льюиса" На минуту внимание Фохта привлек было крик командира, разносившего кого-то из нижних чинов в то время, как майор Блэк брезгливо тыкал тростью в крыло одного из самолетов. - Что ж, Николашка, давай в город съездим, у нас еще часа два времени есть; надо заправиться, а то, черт его знает, когда еще домой-то попадешь, - сказал Фохт Горлову. - Давай, миленький, давай! - ухватился за предложение Горлов и,

накрыв пулемет чехлом, вылез из самолета.

В воздухе настроение Фохта, шедшего на последнем из четырех "Сопвичей", нисколько не улучшилось. Много дрянных мыслей прошло в его голове за время пути от аэродрома до Тихорецкой. Сегодня он не был уверен в самолете. Движения собственных рук не казались ему такими безошибочными, как всегда. Навстречу самолету внизу плыла зеленым островком станица, широко раскинувшаяся около черного узла спутанных железнодорожных путей. На путях, заволакивая дымовой вуалью станционные здания, ползали паровозы с нескончаемыми красными хвостами вагонов. Станция была уже близко. Фохт поглядел на лицо сидевшего сзади Горлова, и оно ему тоже не понравилось. Всегда красный, упитанный Горлов выглядел сегодня каким-то сизым. "Это все из-за его проклятой девчонки, - мелькнуло в бритой голове Фохта, затянутой в плотный кожаный шлем. - Не будет нам пути". Солнце готово было утонуть в бегущем желтыми волнами море степи. Косые лучи отбрасывали длинные черные пятна от построек и деревьев. Фохт следил за тем, как бежавшие по степи тени самолетов то сливались с этими распластанными на земле пятнами, то снова выходили на освещенные места. Вдруг ему бросилось в глаза резкое движение переднего самолета, вильнувшего в сторону. Из-под головного "Сопвича" вынырнул неизвестно откуда взявшийся крошка "Ньюпор". Промелькнул блеск выстрела. Глянув вниз, ротмистр увидел, что от станицы тяжело поднимаются еще два желтых "Лебеда". "Дураки, - подумал Фохт, - снять бы только "Ньюпор", а тогда этим нескладухам крышка". Наблюдатель переднего "Сопвича" свалил пулеметы на борт и, видно, ловил на мушку оказавшийся под ним "Ньюпор". Вспышки выстрелов срывались с пулеметов, сливаясь почти в сплошной венчик. "Здорово!" - с удовольствием подумал Фохт. А крошка "Ньюпор", впиваясь в сгущавшуюся мглу сумерек, все старался согнать с намеченного пути головной "Сопвич", распластавший над ним свои темные крылья с яркими трехцветными кокардами Два красных "Лебеда" добрались наконец до точки, с которой могли отвлечь на себя внимание пулеметчиков с белых "Сопвичей" и развязать руки "Ньюпору" То и дело меняясь местами, вся группа продвигалась к месту, где переплетались нити рельсов. Как припаянные, замерли там поезда. Вот, свалившись на крыло, один из "Лебедей" круто перешел в штопор и тотчас же за ним, беспорядочно, завивая носом, пошел к земле головной "Сопвич". Как бы разрезая два сошедшихся самолета, вынырнул из-под них маленький "Ньюпор" А те двое медлительными штопорами вместе винтили

воздух виток за витком, ниже и ниже. Фохт видел, как в месте падения "Сопвича" взметнулось яркое желтое пламя и от взрыва рвануло остатки уже лежащего рядом "Лебеда". Тем временем под огнем вертлявого "Ньюпора" два передних "Сопвича" повалились в левый вираж. Не дойдя до узла, они куда попало сбрасывали свои бомбы. Фохт тоже свалил машину в вираж, отворачивая от Тихорецкой. Не осталось и мысли о том, что он не донес бомбы до цели. В мозгу лихорадочно бился только вопрос: "Почему Горлов не разгружается? За каким чертом этот осел бережет бомбы?" Теперь они были для Фохта только досадной нагрузкой, увеличивавшей вес машины и ее лоб. А ему уже была дорога каждая лишняя верста, которую можно было выжать из "Сопвича". Намередаясь знаками показать Горлову, что нужно освободиться от бомб, Фохт обернулся. Из-под очков на него глядели расширенные страхом глаза капитана. И опять эта отвратительная слюнявая губа! Она двигалась, и в углах рта наблюдателя клубилась пена. По-видимому, он что-то кричал Фохту, от страха забыв, что тот не может его услышать. В памяти Фохта надолго сохранилась опущенная рука капитана. Ветер задрал Горлову рукав до локтя, и Фохт почему-то с особенной ясностью видел каждую веснушку на противно красной коже. Словно именно это было сейчас самым важным, а не то, что Фохт увидел, глянув вниз, куда показывал Горлов, - в брюхо "Сопвичу" лез "Ньюпор". Фохт видел каждую деталь красного истребителя, различил даже порыжевший шлем и облупленную кожаную куртку летчика. "Поймал!" - жарко пронзило мозг. Рука сама торопливо надавила на рукоятку, подавая ее от себя до отказа. Самолет нырнул вниз. Фохт отвел взгляд от "Ньюпора", чтобы не видеть вспышки его пулемета. Но "Ньюпор" бесцельно ткнул тупым носом то место, где только что был "Сопвич", болезненно дернулся и нырнул за ним. В голове Фохта теплой, отрадной струйкой проплыла успокоительная мысль: "У него задержка в пулемете, теперь уйду... уйду!.." Казалось, даже прежняя твердость вернулась руке, когда он увидел, что красный истребитель действительно ушел к себе. Но все же поворачивать к Тихорецкой не было никакого желания. Фохт лег на курс и пошел к югу. Когда оглянулся на Горлова, тот спал, уткнувшись лбом в затыльник пулемета. Рот был приоткрыт, и губа висела еще больше, чем обычно. Фохт подумал о том, что хорошо было бы сейчас пустить в этот рот несколько больших синих мух. Фохт знал, что по возвращении на аэродром его ждет разнос, а может быть, и отчисление из отряда. Начальство почти наверняка захочет подслужиться к англичанам и устроит бучу. Но сейчас Фохту было наплевать на

все. Он давно уже думал о том, что хорошо было бы унести ноги из этой богоспасаемой "единой и неделимой". Если это удастся, его калачом не заманишь туда, где в воздухе угрожает встреча с красными. - Ну их всех к черту! - вслух проговорил он. И успокоился на этом так, что после возвращения домой самым досадным представилось отвратительное прикосновение черных мух к бритой голове.

ПОД ЖЕЛТЫМ НЕБОМ

Когда синкопы джаз-банда смолкали, с эстрады в зал летел вопль дикого призыва и голые мулатки, останавливаясь как вкопанные, искусно и непристойно трясли узкими серебряными тесемочками. Но и этот танец дикой страсти не удивлял никого и даже мало привлекал внимание: в вольном городе Харбине удивляться голому коричневому животу?.. Зал небольшого ночного кабаре гудел собственным шумом, ничуть не уступавшим по силе джазу, и временами даже заглушал его. Разноязычный говор сливался в неясный гул, фонари, огромные, как решета, лили расслабленный свет в воздух, представлявший собою густую смесь из сладко терпкого дыма трубок и дешевых сигар, острого запаха женского пота и тошнотворно-приторной пудры. У барьера эстрады за столиком с тремя уже пустыми бутылками сидели двое. Пожилой, толстый, с красным обрюзглым лицом, иззелена-седыми усами и нарочито старомодными подусниками курил толстую черную сигару, роняя пепел на отвороты визитки, которую носил с презрительной небрежностью. Это полковник службы генерала Чжан Чжун-тана, Александр Иванович Косицын. Когда-то российский интендант, а ныне заведующий тыловым снабжением и бюро вербовки белой бригады Нечаева, он щедро подливал вино в стакан собеседника - человека с тонким, худым, лимонно-желтым лицом. Дрожащей рукой пряча бахромку рукавов, из-под которых выглядывали посеревшие манжеты, собеседник подносил к синим губам стакан и жадно отхлебывал. Проклятые манжеты лезли наружу, не пристегнутые, так как рубашки под кителем давно не было на бывшем военном летчике, бывшем штаб-ротмистре, бывшем бароне Георгии Густавовиче фон Фохте, а ныне... ныне - что придется: иногда он носилыщик или метельщик, иногда просто попрошайка, но всегда, когда заводилось несколько грошей, посетитель курительного заведения Го Чуан-сюна. С тех пор как Фохт перекочевал с юга России в бело-генеральский Китай, он еще ни разу не был сыт, ни разу не спал в чистой постели и не вылезал из обносков, достававшихся ему от бывших товарищей офицеров. На пустой желудок Фохта вино оказало сильное действие,

и он, с трудом поднимая отяжелевшую голову, обводил мутным взглядом зал, потом, вспоминая, что за столом необходимо беседовать, однообразно бормотал: - Саша, Саша... вот ведь ты тыловая сволочь, а я тебя люблю... За что люблю - и сам не знаю, а вот люблю... Интендантские подусники раздвигались в улыбке. - Э, брось, барон! Давай лучше выпьем за... ну, хоть за твои будущие успехи. И трезвый полковник снова наклонил горлышко бутылки к стакану Фохта. Фохт жалко усмехнулся. - Успехи? Какие успехи в этой проклятой стране! И потом... врешь ты все... Ну, посуди сам, ради чего в петлю лезть! Ради этой гнусной рожи Чжана твоего?.. Ведь он палач, а?.. Ей-богу, палач! До дьявола лестно быть на службе у палача!.. Мы уже сыты этим. Поработали на своих таких же... чжанов! - Тсс... не надо лишних слов. - Полковник огляделся. - При чем здесь его превосходительство? Ты же прекрасно понимаешь: наша бригада проливает кровь вовсе не из-за прекрасных глаз Чжана. Не можешь же ты рассматривать нас как простых ландскнехтов. Что объединяет нас с Чжаном и со всеми благонамеренными элементами Китая? Хочешь, чтобы те, кто у тебя все отнял, тверже встали на ноги благодаря гоминдановцам? Этого хочешь? Ты хочешь гибели святого белого дела, хочешь, чтобы красные... - Не договорив, он выразительно провел ребром ладони поперек своей шеи. Проблеск мысли отразился в затуманенных глазах Фохта. Он оскалил кривые зубы, ударил кулаком по столу и сказал: - Надо набить им морду... - И, повинувшись темному ходу злобы, продолжал: Я как вспомню, милый, наши-то края, жуть берет... Эх, жизнь была!.. А ты как думаешь, не надуют нас и эти?.. Милые союзнички-то надули, а?.. - О чем ты говоришь? С нами бог, ведущий своих крестовых рыцарей к победе, а... - Брось ты своего бога!.. Ты вербовщик, ну и вербуй крестовых рыцарей... Туды тебя!.. Торгуй нашей кровью. Твой бог - доллар, на него и надейся не выдаст. Крепкий, стервец, туды его! Фохт снова уронил голову на руки и тяжело задумался. Хмельная тьма накатила на него и, схлынув, оставила в голове клубок недоверчивых вопросов, подозрений, обид. - А сколько платить будут? - Двести основного и залетные. - Двести, говоришь?.. Так-с, двести!.. За двести долларов я должен продать свою шкуру. Не густо, милая Августа!.. Двести китайских долларов за офицера Российской императорской... и прочая, и прочая?.. Ай да цена! Сволочь ты, Саша, понимаешь, сво-о-олочь! Иуда ты, а не полковник... Сколько комиссионных на моей шкуре получаешь? - Ну, знаешь, голуба, ты уж слишком! Но Фохта остановить было трудно. Клубок в голове разматывался темной, прерывистой, но неукротимой